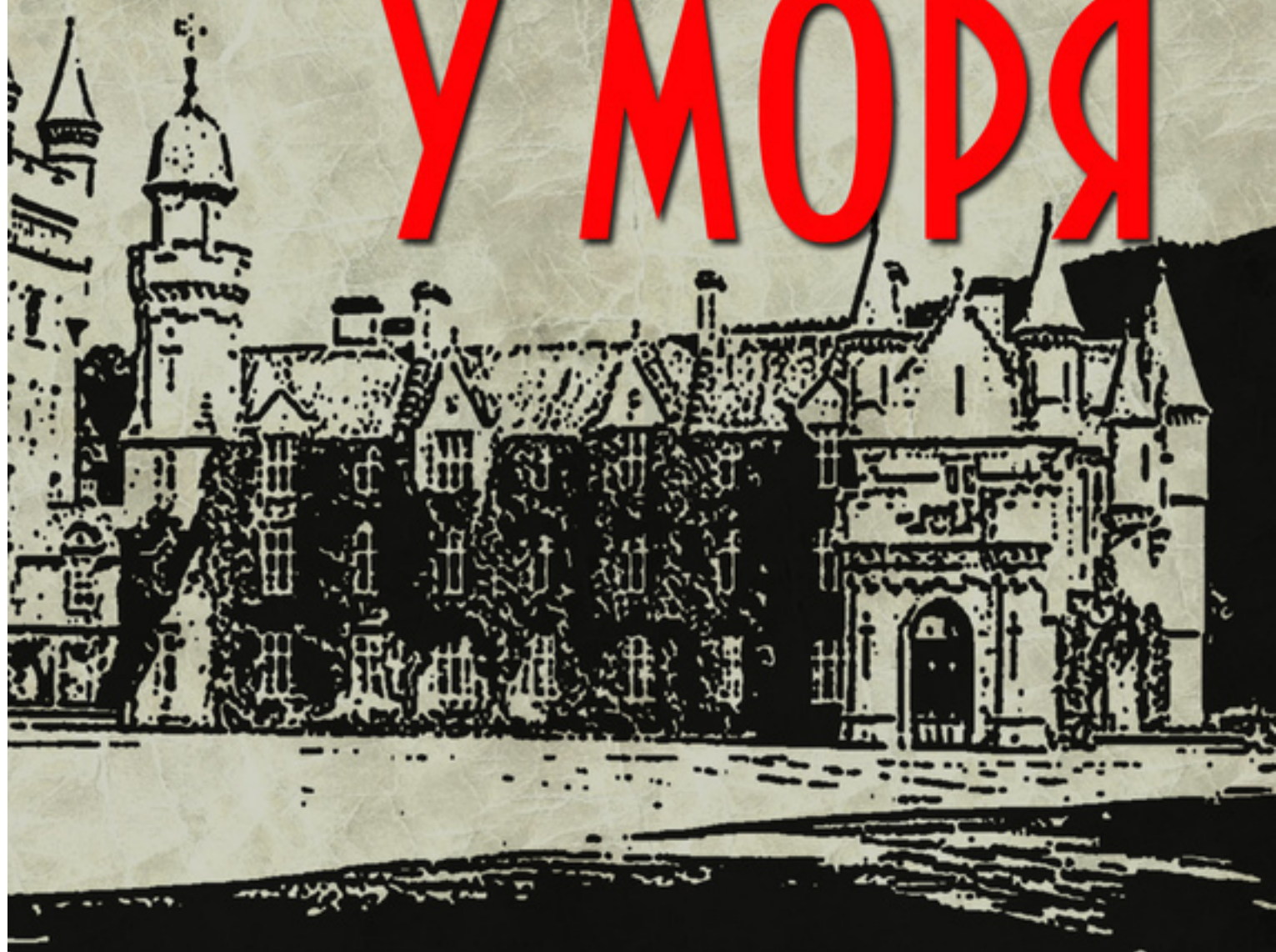

*Памяти
Агаты Кристи*

Алекс Норк

ЗАМОК У МОРЯ

Алекс Норк
Замок у моря

«Автор»

2005

Норк А.

Замок у моря / А. Норк — «Автор», 2005

Имитация Агаты Кристи. Отдых на западном побережье Англии оборачивается для известных всему миру друзей расследованием убийства в местном замке – старом, как и история рода его владельцев. Еще одна странная смерть – случайная или тоже убийство? Но двадцать лет назад в этом замке уже произошло страшное преступление – нераскрытое до конца, с исчезнувшим главным подозреваемым. Отдельные события могут заговорить о себе через десятилетия, а неизгладимая многовековая память оказаться сильнее ценностей этой жизни. Имена главных героев слегка изменены с целью ненарушения авторских прав.

© Норк А., 2005

© Автор, 2005

Алекс Норк

Замок у моря

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Был первый день июля.

Жаркий, безоблачный. С льющимся отовсюду солнечным светом, и воздухом без всякого ветерка.

Мы условились с Пэро встретиться в Гринпарке в половине первого по полудню, чтобы окончательно договориться о завтрашнем отъезде на морское побережье. Недели на три, а то и на месяц.

Располагая запасом времени, я шел, не спеша, с левой стороны Темзы к месту нашей встречи.

Дойдя до середины Вестминстерского моста, я невольно залюбовался тихой блестящей от солнечных лучей гладью реки, почти перламутровой.

Чуть попыхивая короткой широкой трубой, одинокий буксир, приближаясь к мосту, тасил груженую толстыми деревянными брусьями баржу. И казалось, что даже эта железная машина понимает ненужность суеты и показной деловитости, когда вокруг столько ласкового тепла и света.

Лондон, уставший за многие холодные месяцы от сырых туманов, мелких морозящих дождей, ранних сумерек, переходящих в длинную ночь и оставляющих людям лишь скудный кусочек дневного света, получил, наконец, заслуженное летнее благополучие. Уже разъехались многие студенты, школьники туристическими группками отправлялись в путешествия по Англии, Шотландии, а некоторые – дальше в Европу.

Город пустел.

И это особенно хорошо ощущалось в его деловой части – на дверях некоторых контор уже висели уведомляющие таблички об их скором закрытии на отпускные каникулы. Стало меньше машин, и в поведении клерков чувствовалась несвойственная им медлительность.

Миновав знакомые улицы, я вышел к Гринпарку и направился к его центру с фонтаном.

Пэро уже ожидал меня и поприветствовал издали высоко поднятой шляпой, но как-то нерадостно, вяло. И улыбка на его лице, когда я приблизился, не производила бодрого впечатления.

– Что-нибудь случилось? – спросил я, ощущая неладное.

– О, ничего серьезного, топ ами. В мире столько происходит всяких ужасов, что наши мелкие неприятности нужно всегда воспринимать как благо.

– Значит, все-таки что-то не так. Скажите же толком, Пэро.

– Некоторые досадные пустяки: мой зубной врач пришел к выводу, что я не отделаюсь легкими процедурами. Помимо двух дырок наверху, которые он сегодня залечил, оказался совсем плохим шестой нижний зуб. Он чуть не рассыпался под бормашиной. – Пэро дернул щекой и не удержался от болезненной гримасы. – В общем, зуб надо удалять, ставить между двумя соседними мост, а это – долгие процедуры, примерки коронок... – он махнул рукой, уже не стараясь скрыть своего огорчения. – Так все это нехоти в связи с нашими планами на отдых!

– Действительно чертовски неудачно, но сколько это все потребует времени?

– Доктор сказал, что дней шесть, если начать прямо завтра.

– Ну и не страшно, у меня есть еще кое-какие дела в Сити, отправимся на шесть дней позже.

– Нет-нет, Дастингс! Прошу вас, не проявляйте излишней солидарности! Это просто ни к чему. Поезжайте вперед, присмотрите нам подходящее местечко. Вам ведь, в действительности, совершенно нечего сейчас в Лондоне делать. Будете только постоянно спрашивать, как у меня идут дела, и выказывать сочувствие, в котором я совершенно не нуждаюсь!

Он вскинул голову, гордо поддернув строгий накрахмаленный воротничок, и посмотрел на меня взглядом бесстрашного, готового к битве воина. Получилось вполне натурально, но я то знал тому истинную цену: этот маленький человек храбро воевал два года во французской армии против не менее храбрых солдат Кайзера Вильгельма, потом, работая простым полицейским инспектором, не раз вступал в смертельную борьбу в ночных переулках и притонах Брюсселя и Антверпена, но в кабинет дантиста предпочитал входить без свидетелей, не уверенный в том, что сможет вполне успешно овладеть возникающими внутри паническими чувствами.

– Ну что ж, Пэро, извольте. Тогда я завтра же и отправлюсь утренним поездом. А через несколько дней, когда окончательно определюсь с местом нашего проживания, протелеграфирую вам.

– Вот и отлично, топ ами, вот и отлично! Знаете, меня беспокоит еще одна мелочь. Говорят, что после установки зубных протезов – всяких там коронок и мостов – у людей может измениться дикция. Появляются свистящие звуки и еще какие-то гадости, а?

– Мало ли что говорят. Не волнуйтесь, у вас же отличный доктор.

– Так-то оно так... Значит, вы выезжаете завтра в Саутпорт на Ирландское море?

– Ну-да, как мы и хотели.

– Я слышал, что там прекрасные рыбные места?

– Да, в особенности в это время года: много сельди, анчоусов.

– Очень хочется почувствовать запах моря, мой друг! – к моей радости, неожиданно взбодрился он. – В особенности запах водорослей, выброшенных на берег и высыхающих под жарким солнцем. Знаете, это запах моего детства. Моя бабушка жила на побережье, и мальчиком я выезжал к ней на лето. Вы никогда не обращали внимания, Дастингс, что очень далекие годы по их ощущению бывают гораздо ближе вчерашнего дня? И даже жутковато от этого делается.

Я не без грусти кивнул головой.

– И еще один запах того времени мне вспоминается.

– Какой?

– Поджаренной на оливковом масле камбалы. М-мм! Дастингс, с тушеной морковью и мелкопорезанным луком. Вы никогда не ели?

– Кажется нет, но думаю, что в Ирландском море и камбалы хватает. Постараюсь устроить что-нибудь такое к вашему приезду.

– Надо чтобы камбала была крупной, около полуметра, и абсолютно свежей, а не той мороженой дрянью, что кусками лежит на прилавках рыбных магазинов.

– Хорошо, я учту.

– Ну, – Пэро подал мне обычным своим изящным жестом руку, – идите собираться. До скорой встречи, и жду от вас телеграммы.

* * *

Ровно в восемь утра следующего дня мой поезд тронулся с Юстонского вокзала.

Саутпорт был его предпоследним местом следования. Маршрут заканчивался в Престоне, известном каждому англичанину по исторической битве, где в 1648 году войска Кромвеля нанесли решающее поражение роялистам и союзным им шотландским кланам. И видимо,

туда направлялась шумная орава школьников двенадцати-тринадцати лет, энергично занимавшая места, к счастью в соседнем, а не в моем вагоне.

Кроме меня в купе поместились еще две пожилые дамы, скоро задремавшие от постукивания колес и легкого покачивания вагона.

Дорога до Саутпорта занимала около шести с лишним часов.

Уже к половине пути я прочитал все утренние газеты и начал лениво глазеть в окно на привычные пейзажи средней Англии.

Приближался какой-то довольно крупный город. По-видимому – Лестер. Ну да, значит, можно будет прогуляться по перрону. В дороге мне никогда не хотелось есть, но все-таки наверно стоит взять сэндвич и выпить пива в станционном буфете... или чаю и рюмку ликера.

Пока я раздумывал на эту тему, старушки ожили, начали поправлять прически и, судя по всему, готовились закончить свое путешествие.

Вскоре поезд остановился.

Я помог пожилым дамам вынести их саквояжи на перрон и, имея еще более пятнадцати минут в запасе, отправился к буфету. Там же у входа я приобрел местную газету, чтобы хоть чем-то занять дальнейшее время в поезде.

Из окна буфета был хорошо виден перрон и очень небольшое число людей садившихся в вагоны. Я тут же подумал, что вероятнее всего оставшуюся часть путешествия проведу в купе один, что, как бы там ни было, всегда приятней случайной компании.

Однако мои надежды не оправдались. Открыв дверь купе, я обнаружил там молодого человека, вальяжно расположившегося на местах моих бывших попутчиц. Мы кивнули друг другу. Я сел на свое место напротив и невольно сразу же обратил внимание на своего vis-à-vis. Точнее, на его одежду.

Такое встречаешь не каждый день. Одет он был не просто модно, а с той дорожкой и подчеркнутой изысканностью, которую можно увидеть разве лишь на фотографиях в богатых иллюстрированных журналах. Даже для самого описания его наряда понадобились бы названия специальных и малоизвестных мне материй и красок. Его гладкий, не оставляющий складок костюм не был ни белым, ни желтым, а чем-то очень приятно средним. Под ним переливалась фиолетовая рубашка с расстегнутым отложным воротником. Тут же на полке лежала светлая шляпа с немного загнутыми как у ковбоев краями и с широкой в точный цвет с рубашкой фиолетовой лентой. Такой же платочек острым треугольником торчал из кармана его пиджака.

Хотя в моем собственном гардеробе все было в порядке, я почему-то почувствовал легкое беспокойство, ощупал рукой узел галстука и неизвестно зачем посмотрел на брюки.

Но впрочем, какое мне дело до незнакомого денди.

Я вытянул из кармана только что купленную местную газету и, разворачивая ее, машинально еще раз взглянул на шикарного соседа. На вид ему было никак не более тридцати. Лет двадцать семь – двадцать восемь, наверно.

Темные чуть волнистые волосы. Не очень длинные, лишь слегка находящие на уши. Открытый лоб. Лицо приятное, хотя, пожалуй, ничем особенным не примечательное. Нос правильный, прямой. И волевой с небольшим углублением подбородок. Лицо – скорее с оттенком благородства, чем красоты. Вот только немного странные глаза. Светло-серые, очень внимательные. Будто сразу схватывающие то, на чем остановились.

Я развернул газету, по своему обыкновению посередине, и начал читать, а, вернее сказать, перепрыгивая через строчки, просматривать сообщения о деловой жизни оставшегося позади Лестера, не имевшие для меня, по правде говоря, почти никакого интереса. Затем, чуть внимательней, я проглядел местные полицейские хроники. Потом, перевернув страницу, перешел на культурную и светскую жизнь.

Я увидел несколько больших фотографий и сообщения к ним. На одном из снимков какая-то бракосочетающаяся пара, на другом... я непроизвольно взглянул на своего соседа, а потом снова на фотографию.

Несомненно, одно и то же лицо!

«Я не ищущу быстрого успеха в высшем свете, – значилось в начале текста под фотографией. – Люди должны быть красивыми везде: в Лондоне, в Лестере и других провинциальных городах, и даже в простом рыбацьем поселке. Служить этому отпущенным мне богом талантом – главная цель моей жизни».

«Хорошие слова», – подумал я. Дальше шел короткий рассказ об успешном дебюте молодого лондонского модельера, несомненно талантливого, и тепло принятого местной публикой. И имя – «Джеральд Холборн». Но самое удивительное было дальше. Мистер Холборн оказался никем иным, как наследным пэром, сыном лорда Джона Холборна, то есть прямым потомком едва ли не самого влиятельного в средневековье ланкаширского рода, и прежде всего тех мест вокруг Саутпорта, куда я сейчас направлялся. Я не смог не взглянуть на молодого человека еще раз и сразу встретился с его внимательными и слегка улыбающимися глазами.

– Судя по газете в ваших руках, мне нет надобности вам представляться, – произнес он мягким доброжелательным тоном.

– Капитан Дастингс, – тут же представился я, – в отставке. Еду отдыхать в ваши родные места. Вы тоже возвращаетесь домой?

– Строго говоря, мой дом в Лондоне. В замке под Саутпортом живет отец и еще кое-кто из родни. Конечно, это и мой наследственный замок, но я бываю там урывками, недолго. Слишком много работы в Лондоне. – Он слегка шевельнул бровями. – В нашем деле, знаете, иногда опасно потерять даже лишнюю неделю. Мода ведь очень капризна и переменчива. И конкурентов тьма. Особенно таких как я, только пробивающих себе дорогу.

– Однако же ваше имя, связи... – начал было я, но мой собеседник тут же меня вполне учтиво прервал.

– Совсем наоборот, – он грустно качнул головой, – аристократы не любят, когда на социальной лестнице возникает беспорядок. И очень не любят перебежчиков. Все должно, согласно их представлениям, стоять на своих местах. Художники, артисты или модельеры могут пользоваться там большой популярностью. Но с ними ищут лишь модного знакомства. Как, например, и с призовыми жокеями и даже с выигравшими скачки лошадьми. Все они, в конечном счете, нужны только для того, чтобы снисходительно потрепать их по холке.

Сказано было остроумно и без всякой рисовки. Я искренне рассмеялся.

– Так вы, аристократ, что же, не любите аристократию?

– Нет, нельзя сказать, что не люблю. Просто и с моей точки зрения все должно стоять на своих местах. Только сообразно личным достоинствам и общей человеческой пользе.

И опять мне понравился убедительный лаконизм его мыслей.

– А вы, стало быть, едете отдыхать в наши места? – спросил он. – Куда же именно?

– Пока точно не знаю. Наверно на окраине Саутпорта можно снять пару комнат для меня и моего друга. Он скоро должен присоединиться.

Мистер Холборн сморщил лоб и сомнительно качнул головой.

– Снять комнаты конечно не проблема. Но, видите ли, за последние несколько лет Саутпорт сильно изменился. Промышленность очень быстро растет. Раньше там были лишь ткацкие фабрики, да заводик рыбных консервов. Теперь развернули широкий комплекс электро-механических предприятий, еще что-то такое строят. В гавани стало больше торговых судов. Понаехало много разношерстного народа: ирландцы, иностранные моряки слоняются, ну и тому подобная публика. Вы не подумайте, что я имею что-нибудь против этих простых людей. Наоборот, слава богу, что больше рабочих мест становится и люди трудятся. Но этого всего

ведь и в столице достаточно. А для отдыха нужен покой. К тому же, как бы ни старались городские власти, вода в непосредственной близости от города уже не такая чистая.

– Огорчительно! – я почувствовал откровенную растерянность, в особенности при мысли о радужных ожиданиях, в которых пребывает оставшийся в Лондоне Пэро. – Совсем непредвиденная ситуация для меня – я ведь исходил из впечатлений шестилетней давности.

– Шесть лет назад все было совсем по-другому. Да вы не расстраивайтесь, мы эту задачу решим. Наш замок в двух милях от города, а рядом, в полумиле, – небольшая деревушка. Местные жители ловят рыбу, другие – работают на птицефабрике, поставляют яйца и мясо в город. Там есть хорошие просторные дома, где проживают пожилые или совсем одинокие люди. Они вам и комнаты сдадут, и еду будут готовить за небольшую плату. Природа вокруг первозданная, пляжи пустынные.

– Благодарю вас, это прекрасный выход из положения. Две мили от города вы говорите? Наверно я смогу взять на вокзале такси?

– В этом не будет необходимости. За мной приедет машина и я вас подброшу до места. К тому же, мой дядя Мэтью знает там каждую собаку и сам подберет вам подходящее пристанище.

– Ей-богу не знаю, как вас благодарить! Без вашей помощи я понаделал бы, конечно, массу глупостей. И мог бы испортить отпуск и себе, и своему другу.

– Пустяки, не стоит никаких благодарностей.

Мы еще какое-то время поговорили о разных мелочах, последних событиях и сплетнях лондонской жизни. Потом мой новый знакомый извинился за то, что не сможет долее продолжать беседу, поскольку хочет немного поработать.

Он извлек из бокового отсека своего саквояжа широкоформатный блокнот, в каких обычно художники делают наброски, и несколько разной толщины грифельных карандашей. Я тоже занялся кое-какой работой – надо было написать пару деловых писем в Европу, и я принялся составлять их черновики.

Задумываясь над очередной фразой, я иногда поглядывал на своего соседа. Он придерживал блокнот в полувертикальном положении, упирая его нижний конец в колени. Я, разумеется, не пытался туда заглянуть, но трудно было не заметить чисто профессиональную легкость в движениях моего нового молодого знакомого и ту внутреннюю сосредоточенность, с которой он работал. очередной зарисованный силуэтами лист переворачивался и начинался новый, часто он останавливался и задумывался, иногда недовольно постукивая концом толстого грифельного карандаша по подбородку. После каждой такой паузы мистер Холборн начинал с новой энергией обрабатывать лист бумаги, иногда заменяя грифельные карандаши, по-видимому, чтобы варьировать толщину линий и задавать оттенки. Часто, сравнивая новое с уже сделанным, он отлистывал блокнот назад. Было ясно, что, погрузившись в свою работу, он не следит за временем и тем, что происходит вокруг.

Продолжалось так почти два часа, и по моим соображениям поезд уже приближался к месту своего назначения.

Я посмотрел на часы – оставалось что-то около двадцати минут. И в этот как раз момент Джеральд Холборн захлопнул блокнот.

– Немного устал, – улыбнувшись, сообщил он и взглянул в окно. – А, мы кажется уже и подъезжаем.

Город действительно разросся и удивил меня долгими пригородами и большим числом хорошо видных издали дымящих заводских труб.

Наконец, поезд медленно въехал под крытый навес вокзальных перронов, а еще через несколько минут мы, разминая ноги, не спеша входили в зал ожидания.

– Джеральд!

Посередине зала, приветственно подняв вверх обе руки, стоял средних лет мужчина. Крепкий, с коротко остриженной почти круглой головой. Одет он был по-летнему легко: светло-серые парусиновые брюки, белая рубашка с короткими рукавами, легкие ботинки-полу-сандалии на ногах – типичный отдыхающий на небогатом курорте клерк.

– Джеральд, мой мальчик! – он уже стоял рядом и энергично обнимал молодого человека. – Как твои успехи, дорогой?

– Очень неплохо дядя, но сначала скажи – как отец?

– Ничуть не хуже обычного. Доктор им вполне доволен. Ну, что же, пойдем к автомобилю.

– Сейчас. Прежде познакомься, пожалуйста, с капитаном Дастигсом. Он прибыл в наши края на отдых, и нам надо помочь ему устроиться.

– Нет ничего проще. Очень рад познакомиться, – он протянул мне руку: – Мэтью Уиттон. Только я думаю, – он посмотрел на племянника, – в самом Саутпорте ему останавливаться вряд ли стоит.

– Да, я уже сказал мистеру Дастигсу об этом. Ты ведь сумеешь устроить его в деревне поблизости от нас.

– Вне всякого сомнения. Пойдемте же к машине.

Он схватил оба наши саквояжа и быстрым шагом направился к выходу.

– Ну зачем же, позвольте я сам... – смущенный такой любезностью начал я, но Джеральд сделал предупреждающий жест:

– Пожалуйста, не беспокойтесь. Дядюшка силен как бык. Постоянно упражняется гириями, непосильными для нормального человека, и все равно не знает, куда девать излишки энергии.

– Ха-ха, тебе бы тоже не мешало побольше заниматься спортом, – полуоборотясь на его слова, проговорил мистер Уиттон. – Ну, пойдемте же, пойдемте.

Мне, для лучшего обзора местности, во время поездки предложили переднее сиденье рядом с Мэтью Уиттоном, который уселся за руль. Это позволило внимательней его рассмотреть.

На вид ему было лет около пятидесяти, но вряд ли больше. Нельзя сказать, что он производил впечатление силача – у него не было того показного рельефа мышц, которым козыряют фанаты в спортивных журналах или на шоу-конкурсах. В лексике простых, в особенности деревенских людей, есть слово «литой». Оно, на мой взгляд, очень подходило к тугой внутренней природной силе, которая порой превосходит искусственно накаченные мышцы. Мне встречались подобные люди, и очень похоже, именно к ним относился и Мэтью Уиттон.

Автомобиль с открытым верхом приятно продувался ветерком, и очень кстати – шел третий час дня и высоко стоящее солнце было жарким.

– Наверно, вода уже теплая и купальный сезон открылся? – спросил я у мистера Уиттона.

– Дядюшка Мэтью купается в любой воде, даже под Рождество, – ответил с заднего сиденья Джеральд Холборн.

– Не преувеличивай, пожалуйста, – улыбаясь, ответил тот. – А что касается воды, сегодня утром она была около восемнадцати градусов по Цельсию, и при такой жаркой погоде уже через неделю будет не менее двадцати.

Мы выскочили на окраину города, а еще через минуту покатали по широкой плотно уложенной гравием дороге. Справа от нас в разрядку виднелись крестьянские домики с подсобными постройками, слева – яровов около трехсот – простиралась открытая местность, поросшая густой травой и редкими мелкими березками, а дальше виднелись громадные просторы моря, с густеющей к горизонту синевой. Берег здесь был чуть каменистым, приподнятым, и кромка воды оставалась вне поля зрения. Это создавало ощущение двух прекрасных соседствующих

друг с другом природных миров. Воздух имел совершенно особенный запах, смешав в себе аромат сочных разогретых солнцем трав с легким, солоновато-йодистым дыханием моря.

Словно угадав мои ощущения, Мэтью Уиттон довольно проговорил:

– Хорошо тут у нас.

Каким-то приятным спокойным добродушием веяло от этого крепкого человека.

– А дальше природа еще лучше, – добавил с заднего сиденья Джеральд. – Сразу за нашим замком и той деревенькой, где вы остановитесь, начинаются дубовые леса. Шикарные, на много миль в глубину. Там есть деревья, которые древнее нашего рода. Кто-то правильно сказал, что они выросли на крови: здесь шли бои Кромвеля с роялистами и шотландцами. А еще раньше в этих местах были частые кровавые стычки между Ланкастерами и Йорками – алой и белой розами.

– А за кого в той войне выступал ваш род?

– Ха-ха, стыдно признаться – и за тех и за других. Поэтому дядюшка Мэтью с одинаковой любовью рассаживает перед замком и белые, и алые розы.

– Джеральд, мой мальчик, не стоит смеяться над всем подряд, – слегка поморщившись, произнес Уиттон. Но и этот его маленький протест прозвучал мягко и снисходительно. – Знаешь к кому нам, по-моему, лучше всего поместить мистера Дастигса? К старикам Роббинсам.

– Правильно! Как я сам об этом не подумал. У них отличный дом, и люди они для нас близкие. Старый Роббинс еще занимается рыбной ловлей, – сообщил молодой человек, уже обращаясь ко мне, – а его жена отлично готовит. К тому же, у них неплохое хозяйство, да, дядя?

Мистер Уиттон кивнул:

– Прекрасная корова, овцы. Роббинс умелый рыбак, и к вашему столу всегда будет подаваться разнообразная свежая рыба. Жить будете, как у Христа за пазухой.

Впереди, слева от дороги, показался красивый и, судя по всему, недавно выстроенный коттедж. Не из дешевых, и совсем не деревенского типа.

– М-мм? – не поворачиваясь к племяннику, вопросительно протянул Уиттон.

– Да, останови, пожалуйста.

Тот затормозил и два раза громко нажал на клаксон.

С полминуты мы тихо стояли на дороге, потом дверь открылась и на крыльце показалась девушка. В легком, облегающем тонкую фигуру, светло-зеленом платье. Темные почти черные волосы были пострижены строгим каре с небольшой плотной челкой по верху высокого лба. Эта не очень обычная, характерная, пожалуй, для старых портретов английской аристократии прическа подчеркивала ее изящную шею и тонкие прямые плечи.

Она быстро пошла к нам по дорожке садика, а мистер Холборн уже вышел из машины и стоял у калитки.

– Здравствуйте, Джеральд! Очень рада вас видеть. Здравствуйте, господа.

Меня поразила улыбка, обнажившая на очень короткое мгновение ее зубы, ровные замечательно белые.

Мэтью приветственно махнул ей рукой как старой знакомой, а я привстал и несколько неловко поклонился из-за мешавшего мне автомобильного сиденья.

– Вы действительно рады меня видеть, Бета? – спросил Джеральд.

Она мило улыбнулась и кивнула в ответ головой.

– Тогда надеюсь, вы посетите нас сегодня в замке вместе с мистером Бакли?

Она опять очень мило и изящно кивнула:

– Я постараюсь, хотя папа ведь может задержаться, вы знаете, как он работает.

Они обменялись еще несколькими словами и, попрощавшись, мы двинулись дальше.

Почти сразу слева, с морской стороны, обозначился замок. Точнее, его верхняя часть в виде конических окончаний боковых башен и красной черепичной крыши центрального зда-

ния между ними. От основной дороги к замку шла боковая, поуже, но не из гравия, а мощенная старым плотно уложенным камнем.

– Мы проскочим мимо и завезем вас сразу к Роббинсам, – сообщил Мэтью. – Это еще несколько сотен ярдов, и справа начнется та самая деревенька.

Деревня оказалась совсем не маленькой – домов шестьдесят по меньшей мере. С приличным магазином в центре и пабом для пивного времяпрепровождения местной публики. В глубине, за последним рядом домов, просматривалась длинная современного стиля индустриальная постройка с какой-то техникой, трубами и прочими полагающимися и непонятными для обыкновенных людей приспособлениями. Из этого я правильно вывел, что вижу местную птицефабрику.

Дома жителей производили впечатление старых и добротных построек, выглядели крепкими, ухоженными, почти все – в два этажа.

– Совсем неплохая деревенька, – сказал я, – если ее вообще следует так именовать.

– Держится на птицефабрике в основном. Раньше была рыбацкой, но теперь этим меньше занимаются. Роббинс, как раз еще из тех старых рыбаков. Вон его дом. А сами вы любите рыбную ловлю?

– Очень, и занимаюсь этим при первой возможности.

– Ну, значит, он будет к вам вдвойне расположен, – проговорил с заднего сиденья Джеральд Холборн. – Сегодня вам надо будет пообыкнуться здесь, отдохнуть с дороги. А завтра уж будьте любезны к нам в пять часов к чаю. А лучше – пораньше, посмотрите замок.

– Честное слово не знаю, как благодарить за вашу любезность.

– Никак не надо, но вот если вы время от времени сможете сыграть партию в шахматы с моим папашей, дядюшка Мэтью будет вам по гроб жизни благодарен. Он шахматы терпеть не может, и в то же время вынужден быть единственным партнером моего больного отца. Так что, если вы сможете его менять через день-другой...

– Перестань насмешничать, Джеральд. А вон и старый Роббинс.

Машина остановилась у невысокой изгороди. И завидев нас, к калитке двинулся загорелый, с небольшой стриженной бородкой пожилой, но с виду еще очень крепкий, человек.

Приветственно сняв с головы легкую парусиновую шляпу, он обратился в первую очередь к Джеральду:

– Здравствуйтесь, сэры! Моей старухи нет дома, будет огорчена, что не увидела вас.

– Я еще наведаюсь сюда. А сейчас мы хотели бы устроить у вас капитана Дастингса в качестве постояльца.

– Точнее, двух постояльцев, – добавил я. – Через неделю приедет мой друг.

– У вас ведь много места Роббинс? – сказал Мэтью. – А об условиях, я думаю, вы легко договоритесь и без нас.

– Какие проблемы, мистер Уиттон, наверху две отличные свободные комнаты. Мебель простая, но удобная. Я ведь держу все это, вы знаете, для дочери и внуков. А они не приезжают сюда из своей Канады. Позвольте ваши вещи, мистер Дастингс. Моя старуха отлично готовит, у нас тут все свое-недорогое. Я думаю, вы будете довольны.

Уиттон и Холборн, исчерпав свою миссию, вежливо попрощались и, напомнив, что ждут меня завтра, покатали к себе.

Комнаты, действительно, оказались очень хорошими. Просторными, с удобными кроватями и небольшими, пригодными и для работы и для простого сидения столиками. В каждой – небольшой шкаф, вполне вместительный для привезенного мной гардероба.

«Пэро несомненно будет доволен», – подумал я.

И укрепился в этой мысли, когда появившаяся вскоре миссис Роббинс стала долго и с удовольствием рассуждать об обедах и ужинах, которые, слава богу, у них в деревне есть из чего готовить. Меня даже несколько насторожили ее гастрономические проекты. Ни мне, ни, в особенности, Пэро лишний вес не был нужен. Вскоре, впрочем, инициатива перешла к мистеру Роббинсу с его рыбной ловлей.

– Я, знаете, люблю выходить в море почаще, – слегка пощипывая свою жесткую полуседую бородку, сообщил он. – Сейчас рыба только начинает двигаться к нашим берегам. Сельдь. А главное будет потом – пойдут анчоусы. В хорошие дни я вылавливаю их на продажу столько, что молодому парню надо две недели трудиться за такие деньги в городе. Надо, конечно, знать места и еще очень многое. Сейчас я выхожу в море просто посмотреть, попробовать сети. Да все равно попадается что-нибудь для себя, и хозяин местного паба с удовольствием берет добычу у таких рыбаков как я. Коптят, жарят. Приятная закуска к хорошему пиву.

– А завтра вы собираетесь в море?

– Да, но не очень рано. Часов после восьми. Сельдь, которая сейчас собирается у нашего берега, идет поверху. Ей нравится солнце. Она сейчас игрива, собирается в крупные косяки. Только, – он сметливо взглянул на меня, – если пойдете со мной, я дам вам брезентовый бушлат и такие же штаны. А то вы, хе-хе, так пропахнете, что сможете испортить своим визитом весь замок.

* * *

Та часть берега, куда мы на следующее утро вышли со стариком Роббинсом, была в незначительном отдалении от замка, ярдах что-нибудь в двухстах. Здесь, вытянутые на прибрежную гальку, лежали с десятка два рыбацких лодок и баркасов.

Пока Роббинс готовил один из них, я огляделся вокруг. В стороне от нас килем вверх, подальше от береговой кромки, покоилась большая старая лодка, видимо, уже отслужившая положенный ей трудовой срок, однако мое внимание привлекла совсем свежая надпись на корпусе: «Спаситель». Необычное название.

Старый рыбак заметил мое удивление, но сначала кивнул, предлагая грузиться и отплыть от берега. Мы легко столкнули баркас по мелкой гальке в воду и перекинулись внутрь – Роббинс на весла, а я на заднее кормовое сиденье.

Мой хозяин сделал несколько гребков, потом, взглянув на старую лодку на берегу, заговорил:

– Это я регулярно подновляю надпись. Редкое название, да? Но вполне заслуженное. В конце октября будет уже двадцать два года, как сэр Джон Холборн подарил эту лодку моему старшему брату, ныне уже покойному.

– А почему, все-таки, «Спаситель»? – поинтересовался я.

– Вот в этом-то вся штука. А было это, как я уже сказал, двадцать два года назад. В октябре. Основной рыбный промысел к тому времени уже закончился. Но шторма еще не наступили. И наловить что-нибудь для хорошего ужина можно было без всякого труда. Маленький Джеральд очень любил рыбачить, ну они и отправились в лодке все втроем: его отец – сэр Джон, Мэтью и мальчик.

Он посмотрел через плечо в открытое море и чуть отрулил в сторону замка, а потом, неспешно продолжая гребки, продолжил:

– Вот точно также мой покойный старший брат двадцать два года назад вышел в море. Был, правда, я сказал, октябрь, отлов прошел, и он вышел в море просто, чтобы опробовать новую сеть. Судьба так распорядилась, что сделал он это без особой нужды и в то самое время, когда несчастные Холборны отправились покататься.

Мы уже порядочно отплыли от берега, и только сейчас я обратил внимание на то, как выглядит замок с моря. Это было и неожиданно, и необычно. Со стороны моря замок являл собой крепость на краю обрывистых скал. Взору открывалась высокая суровая стена со средневековыми бойницами и длинной прорезанной узкими щелями галереей наверху, откуда воины могли легко вести стрельбу из арбалетов, мушкетов или легких пушек, в зависимости от технических средств своего времени. Стена была сложена из грубого булыжника, вероятно с тем секретом скрепляющего камень раствора, до которого ученым так и не удается до сих пор докопаться.

– В тринадцатом веке сработано, – с уважением кивая на это суровое воинственное сооружение, проговорил Роббинс. – Только не думайте, что весь замок такой. То есть в далекие времена оно так и было, но передняя часть замка переделана под красивую английскую усадьбу лет двести назад. Вы не видели? Вам понравится. А какие замечательные розовые клумбы перед входом устроил мистер Мэтью.

– Вы рассказывали о какой-то истории с Холборнами и вашим братом, – напомнил я.

– Да. Так вот... когда господа отплыли от берега ярдов на четыреста, лодка неожиданно дала сильную течь. Вода стала вдруг заливать днище. Опытный рыбак, наверно, сумел бы что-нибудь придумать – попробовать заложить щель тряпьем, прижать это чем-нибудь и приналечь на весла к берегу. Но сэр Джон Холборн вообще беспомощный человек, а мистер Мэтью – ловкий и закаленный, но человек не морской... ну и маленький мальчик с ними. Страх хуже смерти, мистер Дастингс. Особенно на море... Растерялись, попробовали вычерпывать воду, да бестолку – она прибывала. Мистер Мэтью рассказывал потом, что начал изо всех сил грести к берегу, а лодка уже погружалась и не шла. Сэр Джон был слабым помощником и больше успокаивал Джеральда, чем вычерпывал воду. А до берега было порядочно. Вода в это время у нас – семь-восемь градусов. Едва ли даже очень сильный мужчина доберется вот так до берега вплавь, а тем более мальчик... И тут, маленький Джеральд закричал: «Лодка, лодка!». Это был мой брат. Он как раз выезжал так, как вот мы сейчас с вами. Большое счастье, мистер Дастингс – такое совпадение.

– Так значит, та лодка «Спаситель»...

– Названа в честь этого события. Ее сэр Джон подарил в благодарность моему брату, и он долго на ней рыбачил. Теперь эта старая посуда не может плавать, но я берегу ее как реликвию, можно сказать.

Старый рыбак задумчиво покачал головой и вдруг, резко повернув голову в сторону открытого моря, быстро проговорил:

– Взгляните-ка скорее – там, ярдах в пятидесяти от нас, золотистые блики на волнах – как будто движутся.

Я пригляделся:

– Точно, именно как вы сказали.

– Тогда попрошу вас быстро на весла. Это стайка анчоусов. Небольшая, но дело верное. Если мы не замешкаемся, кое-что нам достанется. Гребите вдоль волны наперерез... нет, еще левее. Вот так!

Он с поразительной ловкостью стал выбрасывать за борт сети, иногда чуть задерживаясь, следя за рыбьем косяком, который я не имел возможности наблюдать, потому что изо всех сил налегал на весла.

Улов оказался совсем непустьяковым и заставил нас изрядно потрудиться.

Анчоусы – деликатесная рыба. Роббинс аккуратно выбирал сети и просил меня раскладывать рыбу по трем ящикам в зависимости от размера. Всего вышло фунтов около шестидесяти, и старый рыбак не скрывал радости от неожиданной удачи.

– Настоящая рыба пойдет не раньше, чем через неделю, – сообщил он, – да и тогда такой улов считался бы очень хорошим. Ей-богу, есть повод посидеть сегодня вечером в пабе. Вы не окажете мне компанию, мистер Дастинг? Ах да, вы же приглашены в замок. Тогда попрошу вас прихватить несколько фунтов анчоусов в подарок от меня Холборнам.

Мы, не напрягая себя, поплыли назад к берегу.

Я снова стал с интересом разглядывать старую стену замка с башнями по бокам. В этом месте береговая полоса прерывалась, и волны бились об отвесный гранит, однако я заметил узкие очень крутые ступеньки. Они были прорублены в скале под башнями с левой и с правой стороны. Так что любой идущий вдоль берега путник мог не обходить замок с суши, а, поднявшись по этим ступенькам, пройти вдоль стены по узкой скалистой кромке, и снова спуститься с другой ее стороны.

Непонятно откуда ко мне вдруг явилась мысль, что сделать это можно совсем незаметно.

* * *

Темно-коричневый фасад замка действительно больше всего походил на богатую усадьбу восемнадцатого века. И сразу в глаза мне бросились расположенная напротив главного входа роскошная розовая клумба. Цветы распались на два concentрических круга. Внешний круг состоял из застенчиво-изящных алых роз и окаймлял внутреннюю клумбу из необыкновенно красивых, более крупных, белых. Безукоризненно белых. Цветы, несомненно, относились к очень дорогим отборным сортам и были прекрасно ухожены.

Полюбовавшись на чудное создание природы и человеческих рук, я подошел к полукруглому в три плоских ступеньки крыльцу замка. В руках у меня была небольшая, прикрытая сверху папоротником, корзинка с анчоусами – подарок от Роббинсов.

Я уже собрался потянуть за шнурок дверного колокольчика, когда дверь сама передо мной открылась и на пороге появился дворецкий. Лет сорока пяти, высокий, крепкий, и с той небольшой сутулостью, которая часто выдает силу и встречается у моряков и портовых грузчиков. Его коротко постриженные темные волосы были уже довольно редки, но эта склонность к облысению не портила его лица с располагающим к себе приветливым выражением.

Одет он был, несмотря на жаркий день, в легкий черный костюм с белой рубашкой и маленькой черной бабочкой.

– Позволю себе высказать предположение, – слегка поклонившись, начал он, – что вы – капитан Дастинг. Мистер Джеральд велел мне встретить вас и попросить либо подождать в холле, либо, если угодно, пройти в парк. – Он указал рукой в глубину деревьев. – Там молодые джентльмены устроили легкое развлечение – стрельбу по мишеням. А что это, позвольте спросить, у вас за корзинка?

Я объяснил.

– Какие милые люди эти Роббинсы, – он принял корзинку, – я попрошу кухарку приготовить рыбу к завтрашнему обеду. Так вы присоединитесь к их развлечениям или немного подождете в холле и пожелаете что-нибудь подать вам выпить?

Я, как человек военный и к стрельбе не вполне равнодушный, выбрал первое и двинулся в указанном мне направлении вглубь парка со старыми раскидистыми дубами и перемежающимися почти в человеческий рост кустарниками.

Не успел я пройти и двух десятков шагов, как услышал выстрел ярдах в пятидесяти впереди, затем, после небольшой паузы – второй. Я сразу понял, что это револьвер, а еще вернее – короткоствольный наган 1895 года. Да, третий выстрел не оставил никакого сомнения в этом. Хорошее оружие, считается чуть устаревшим, но очень надежным. В особенности для ближнего боя. Полицейские его любят – прост в обращении, удобен. Калибр таков, что даже не самое лучшее попадание выводит врага из строя, и вместе с тем наган не очень тяжел и легко

помещается в обычном кармане. Я сам одно время держал его и брал с собой в путешествия, хотя теперь стал предпочитать более портативный браунинг.

Еще через минуту я вышел на небольшую поляну и, приблизившись, разглядел среди деревьев двух молодых людей, ту самую изящную девушку и некоего средних лет господина, стоявшего, опираясь на трость несколько в стороне от прочих.

Одним из молодых людей был Джеральд, другой выглядел моложе. Он был примерно одного роста с Джеральдом и несколько походил на него чертами лица.

Стив Харди, как он потом мне представился, двоюродный брат Джеральда.

С первого взгляда Стив производил впечатление симпатичного и еще не до конца взрослого человека. Более подвижного, чем его кузен, и, как бы это сказать, немного более простого в манерах. В нем чувствовалось детское еще желание по каждому поводу говорить слова, что он и делал. Однако вполне невинно. И как я в дальнейшем убедился, ничуть не досаждая другим своим поведением.

Настроение у компании было приподнятое, если не считать того господина с тростью, который не только не участвовал в общем соревновании, но и не проявлял ни малейшего интереса к происходящему.

– Доктор Николос Бакли, – назвался он, пожимая мне руку, после того, как Джеральд представил меня всем собравшимся.

Доктор имел ухоженную, но не запоминающуюся внешность. Светлые гладко причесанные волосы, светлые же водянистые глаза с небольшими, но хорошо заметными под ними мешками, которые усиливали общее усталое и скептическое выражение его лица.

– Теперь ваша очередь стрелять, капитан, – Стив Харди вложил в барабан пять патронов и протянул мне наган. – Вы единственный, кто может поддержать репутацию мужчин и обыграть даму. Бета попала четыре раза из пяти, я – три. А Джеральд – всего один раз.

– Папа прекрасно стреляет, – проговорила девушка. – Папа, почему ты не хочешь?

– Я уже вышел из возраста детских игр, – вполне пренебрежительно ответил на это мистер Бакли.

– А где мишень? – спросил я.

– Секунду... – Стив вытащил из травы покореженную и уже пробитую в нескольких местах жестяную банку и установил ее на пенек шагах примерно в пятнадцати от меня.

Банка была величиной с очень большое яблоко, и попасть в нее военному человеку, тем более из хорошо знакомого оружия, было делом совсем несложным. Я вскинул руку и начал стрелять. Каждый раз Стив подбегал и ставил сбитую банку на прежнее место.

– Bravo, мистер Дастингс! – первой поздравила меня девушка. – Bravo, хотя это не очень сложная цель.

– Но вы все-таки один раз промахнулись, Бета, – съехидничал Стив.

Она промолчала, чуть улыбнувшись в ответ. Я вскоре заметил, что она часто отвечает на мелкие пустяки не словами, а легкой полуулыбкой или едва заметным кивком головы.

– Неплохо, совсем неплохо, капитан, – безразличным тоном произнес в мой адрес доктор, доставая из жилетного кармана часы. – Пора, однако же, к чаю, а перед этим я хотел бы посмотреть сэра Джона.

Он повернулся и, не дожидаясь остальных, пошел к замку. Не зная кому отдать наган, я неопределенно поводил им в воздухе.

– Давайте, – Джеральд протянул руку, – это мой.

Оружие, я сразу заметил, было совсем новеньким.

Попав в большую, по-видимому, центральную залу замка, я скоро обратил внимание на один из многочисленных развешанных по стенам портретов – портрет Оливера Кромвеля.

Совсем небольшой по размеру.

Кромвель в начале своей легендарной биографии не очень-то любил парадность, и здесь он был изображен в простой белой с небольшой кружевной отделкой рубаше с широким воротом. Со спокойным и даже на первый взгляд безразличным выражением лица. Хотя приглядевшись, можно было усомниться в этом безразличии. Скорее, в его облике угадывалась покорность року, готовность делать все до конца, как это и отвечало его религиозным и гражданским понятиям. И этим создавался образ обманчивого спокойствия.

– Вам нравится этот портрет? – услышал я вдруг приятный негромкий голос и, оборотясь, увидел спускающегося по лестнице с галереи второго этажа пожилого джентльмена.

– Сэр Джон Холборн, – представился он, сходя с последней ступеньки и направляясь ко мне. – А вы, я ведь не ошибаюсь, капитан Дастингс? Джеральд рассказывал мне о вас.

Я молча поклонился.

– Этот портрет, – сэр Джон на секунду замолк, глядя на великого англичанина, – был подарен моему предку самим Кромвелем в первую годовщину победы в знаменитой Престонской битве. Наш род со своим войском защищал тогда левый фланг и не позволил коварным шотландцам высадить морской десант в тыл Кромвелю. Это очень многое решило, может быть, даже все...

Он задумчиво приутомл, а я, пользуясь этой паузой, получше рассмотрел его лицо.

Сэр Джон несомненно не был стар, видимо, его не следовало бы даже называть пожилым человеком, но выглядел он так, как будто жизнь задалась целью выжать из него все силы и укоротить, насколько возможно, положенный век. Сохранив еще в изрядном количестве волосы, он был почти седым. Причем той старческой сединой, которая делает волосы слишком мягкими и малопопослушными. Они были клочковато взъерошены, и он, видимо, уже по привычке, а не для приведения в порядок, часто поправлял и приглаживал их. Лицо у него было бледное, отечное, но с очень подвижными глазами и с беспокойным болезненным блеском, который, во всяком случае поначалу, неприятно действовал на меня.

– Вы, я вижу, уже познакомились, – послышался откуда-то из глубины голос Уиттона, а затем появился он сам. – Каспер рассказал мне о прекрасном улове анчоусов, который вам, капитан, с Роббинсом сегодня достался. Это значит, Джон, что завтра на обед мы будем есть чудесную уху. Старый Роббинс прислал нам пять фунтов в подарок.

– Передайте ему, пожалуйста, мою искреннюю благодарность. Как вы устроились у них? Они славные люди, вам не показалось?

– Да, сэр Джон, они действительно очень славные люди и устроился я прекрасно, а через неделю прибудет мой друг, с которым я надеюсь вас познакомить.

– Очень буду рад.

– И еще одна радость, Джон. Мистер Дастингс – отличный шахматист. Так что тебе придется попотеть в сражениях с ним.

– Я вовсе не утверждал наличия у себя подобных качеств, – начал было я, но хозяин прервал меня снисходительной улыбкой:

– Мэтью любит легкие розыгрыши, не обижайтесь на него. К тому же, он всегда стремится подсунуть мне кого-нибудь вместо себя для игры в шахматы. Он очень прилично играет, но я ему надоел, и у него масса дел по хозяйству. Добавьте к этому, что он, как это теперь любят говорить, спортивный фанат: гири, плавание, еще какие-то физкультурные упражнения. Ему не до меня.

Мэтью слегка смутился, и сэр Джон это заметил.

– Ну-ну, я просто хотел сказать, что на тебе и так слишком много работы по замку. А какие чудесные он выращивает розы! Вы уже видели, конечно, мистер Дастингс? И делает все сам – от стрижки кустов до, извините меня, унавоживания грядок. Особенно эти его замечательные белые розы – они всех приводят в восторг. И представьте себе, категорически отказывается продавать черенки, которые у него часто просят.

– Из искусства нельзя делать бизнес, – серьезным тоном проговорил Уиттон. – Хотя, возможно, мой племянник другого мнения на этот счет... Ну, где эта вечно опаздывающая молодежь?

– Мы все уже здесь, – почти тут же ответил Джеральд Холборн, появляясь вместе с доктором из боковых дверей. – А Стив и Бета уже в столовой. Мы можем садиться за стол, а ты, дядя, – съешь свои обычные восемь сэндвичей.

– Хе-хе, – неуверенно взглянув на меня, отреагировал тот, – как будто когда-нибудь я вообще ел больше трех.

Веселые искры сверкнули в умных глазах слуги Каспера.

– Ну хорошо, четырех, – заметив это, уточнил Уиттон, – в любом случае нельзя так сразу выставлять меня перед гостем обжорой.

– Прошу к столу, господа, – провозгласил слуга и вместе с его голосом раздался первый удар часов.

Я увидел их вдали, в углу залы. Старинные, в человеческие рост, с узорчато оформленной передней стеклянной стенкой и длинным маятником с круглым медным диском на конце и острой уходящей от него вниз иглой. Вполне возможно, что эти часы звучали точно также и тогда, лет триста назад, когда Оливер Кромвель приехал подарить свой портрет верному боевому соратнику.

Здесь, за столом, я сумел подробней разглядеть своих совсем новых знакомых. К первому впечатлению от сэра Джона, пожалуй, трудно было что-то еще добавить, кроме окончательно утвердившегося во мне мнения, что он человек действительно плохого здоровья, и вероятнее всего – сердечник, что вскоре и подтвердилось из их разговора с доктором.

Доктор Бакли несколько исправил мнение о себе как человеке меланхолическом и мрачном. Оказалось, что он умеет хоть и не часто, но вполне дружелюбно улыбаться. Говорил он не очень много, но с теми точными и культурными оборотами речи, которые приятно располагают к себе собеседников.

Стив Харди был по-прежнему улыбчив, болтал о пустяках, но в меру. И, кажется, старался почаще обращать на себя внимание Беты.

Сама девушка ни чем особенным себя не проявляла, что и неудивительно для простого чаепития хорошо знакомых друг с другом людей. Лицо ее, впрочем, представляло определенный интерес. Ее нельзя было назвать красавицей, но, несомненно, лицо было очень нестандартное и на него хотелось смотреть.

Темные волосы с оригинальной стрижкой создавали тот благородный шарм, который я подметил еще тогда – на дороге у коттеджа. Тоже темные, не коричневые, а непонятого, кажется, очень темно-серого цвета глаза, были внимательными, но обращенными чуть в сторону от собеседника. И какая-то легкая скрытность почудилась мне во всем ее облике.

Доктор Бакли вскоре вынул дорогие карманные серебряные часы и сделал легкий поклон хозяину:

– Благодарю вас. Мне нужно еще посетить больного в рыбацкой деревне. Там, где вы остановились, капитан. Хотя предварительно я предпочел бы все-таки послушать вас, сэр Джон.

– Бога ради, доктор, не беспокойтесь. В моем организме со вчерашнего дня абсолютно ничего не изменилось. Отложим на завтра, а вы, поспешите лучше к бедному больному.

– Ну хорошо, пусть так. Бета, в девять прошу тебя быть дома.

– Конечно, папа.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, мистер Бакли, – доглатывая кусочек пирога, весело произнес Стив, – мы с Джеральдом доставим ее в целости и сохранности.

– По-моему, достаточно чего-нибудь одного – в сохранности, например. Прощайте, господа.

– А я ловлю вас на слове, капитан, – весело обратился ко мне Уиттон. – Вы обещали партию в шахматы брату, то есть не обещали в прямом смысле слова, но и не отвергали ведь этого совсем, а?

– Да я ничего и не имею против.

– Мэтью, как тебе не стыдно, – укоризненно произнес сэр Джон.

– Стыдно, брат, очень. Но мне еще нужно съездить в город. Позвонили с почты: пришла посылка из Лондонского клуба роз. Там чудесные черенки для морозостойких прививок. Они выведены в Канаде и их практически еще нет в Европе. Это мечта! Теперь я смогу не вскакивать по ночам из-за весенних заморозков.

– Знаем мы тебя, все равно будешь вскакивать, – заявил Джеральд.

А Стив, подтверждая, закивал головой:

– Теперь уже чтобы проверить, не случилось ли чего с новыми черенками.

Все засмеялись.

– Вам бы, молодежь, только и вышучивать пожилых людей, – добродушно ответил Мэтью, по-видимому, совсем не возражая против того, чтобы бывать иногда объектом мелкого юмора.

– Сэр Джон, – обратился я тут же к хозяину, – я действительно люблю играть в шахматы. Уровень у меня, правда, не очень высокий. Но почему бы не попробовать?

Мы вышли в холл, а оттуда – в соседнюю с ним библиотеку – большую хорошо обставленную мягкой кожаной мебелью комнату.

В ее стене, сразу слева от входа, помещался большой, неиспользуемый в это жаркое время года камин. Наверху по обеим от него сторонам висели два портрета – мужской и женский. Я прочел имена на медных табличках под ними: Чарльз Холборн, Элизабет Холборн.

– Родители, – следуя за моим взглядом, пояснил хозяин.

Дальше, в середине комнаты, находился продолговатый стол, за которым могли бы одновременно работать два-три человека. А еще дальше, в противоположном конце, между двумя удобными креслами стоял небольшой шахматный столик на витых темно-вишневых ножках. Приблизившись, я увидел, что его поверхностью служит редкой красоты шахматная доска, представляющая собой каменную инкрустацию, несомненно, очень дорогую и древнюю. Как и тонкие резные фигуры слоновой кости на ней.

– Индия, – заметив мое любопытное внимание, произнес сэр Джон. – Этому изделию лет двести.

Мы сели и я зажал в оба кулака по пешке, предлагая хозяину выбрать цвет, но он категорически отказался, настояв, чтобы я как гость играл в первой партии белыми.

Для того чтобы понять – с каким игроком имею дело, я всегда выбираю ферзевый гамбит. Если противник начинает здесь путаться уже через три-четыре хода, дело ясное и несложное – он слабее меня. Если же первые пять-шесть ходов он делает уверенно и быстро, это – не слабенкий, любящий переставлять фигуры дилетант, а вполне грамотный игрок.

Сэр Джон без всяких затруднений принял мое дебютное начало и дело пошло всерьез. Над восьмым ходом уже мне пришлось надолго задуматься, а к двадцатому постепенное давление его черных фигур приобрело угрожающий характер.

Главное для меня при игре в шахматы – сильно разозлиться. Это получилось и дало неожиданно сильный результат. Вскоре я пожертвовал качество, но сделал пешкой вилку на двух коней, к тому же черные фигуры потеряли взаимодействующие линии и могли помышлять уже лишь о ничейном окончании.

Теперь надолго задумался сэр Джон, а я получил возможность расслабиться и в ожидании его хода встал, чтобы рассмотреть корешки книг на полках.

Возраст некоторых доходил, по-видимому, лет до четырехсот. Было немало и современной литературы, главным образом по истории и политике. Возвращаясь к шахматному столику, я заметил, как сэр Джон вынул из нагрудного кармана тюбик с пилюлями и быстро проглотил одну.

– Возможно, нам стоит прерваться? – не на шутку обеспокоился я. – Или даже послать за доктором?

– Не волнуйтесь, мой друг, если позволите себя так называть, Это обыкновенное для меня лекарство. Оно не связано с приятным игровым волнением, которое я сейчас испытываю. Если бы я в этой жизни испытывал только такое, – тихо добавил он, возвращаясь мыслями к позиции на доске.

Прошло некоторое время, сэр Джон сделал свой ход, а еще через пять минут нам обоим стало ясно, что после вынужденной для каждой стороны серии обменов игра неизбежно закончится ничьей.

– А ведь неплохо складывалась борьба, мистер Дастигс. И, как противники, мы вполне соответствуем друг другу.

– Совершенно с вами согласен и буду рад, если наши поединки станут регулярными.

Мы еще немного побеседовали, потом, чтобы не утомлять хозяина и не злоупотреблять гостеприимством, я попрощался и, обещав появиться завтра, отправился домой.

Каспер, выпуская меня наружу, вежливо улыбнулся и пожелал счастливого пути, а я еще раз обратил внимание на его внешность.

При высоком, сильном, чуть сутуловатом теле, в нем не было ничего крестьянского или вообще от человека из сельской местности. Отдельные черты лица, может быть, не стоили специального описания, но ощущалось их общее умное и сильное выражение. Глаза небольшие, карие, очень внимательные. И с абсолютно доброжелательным выражением. Но ничего заискивающего, услужливого. И кажется, вся его мимика была сосредоточена в этих глазах и окружающих их очень подвижных морщинках.

Я отправился к себе, не встретив никого из молодежи. Видимо, им хватало места в большом замке или просторном окружавшем его парке. Мои часы показывали без четверти семь, и летнее солнце только еще приближало свой путь к горизонту.

Когда я вышел на улочку, где находился дом Роббинсов, с другой ее стороны появился доктор. Он двигался почти прогулочным шагом, с видом человека, выполнившего все свои дневные обязанности.

– Оказали помощь своему пациенту? – спросил я, когда мы сошлись на середине улицы.

– Да, хотя, – он поморщился, – если бы мне эти деревенские олухи все сообщили толком, я бы не потратил время на чаепитие. Больного все-таки пришлось отправить в Саутпорт. Только что его туда забрали на дежурной карете.

– И что же, его жизнь в опасности?

– Нет, к счастью нет. Там неплохая клиника. Хотя ее можно было бы сделать лучше и пустить дело с большим размахом. Но все же, это не Южная Америка.

– Вы там долго работали?

– Долго. Причем не только в городах, но и в сельской местности, поначалу. Сколько, знали бы вы, я там видел нелепых смертей. От простого невежества, ленивого благодушия. Легкомыслие среди тамошнего народа поразительное. Всегда надеются, что болезнь сама пройдет.

Вид у доктора был уставший.

Мы некоторое время помолчали.

– Знаете что, – предложил он, – тут в деревне вполне приличный паб. Чистый, и хорошее пиво. Впрочем, может быть, вы не любитель пива?

– Любитель, да и время еще не позднее.

– Вот и хорошо. К тому же, есть одна деликатная тема, о которой бы надо поговорить...

Паб оказался действительно вполне приличным. Подошел бы и для лондонской периферии. Состоял он из основного зала, в котором сидело человек тридцать, и нескольких зарешеченных тонкими деревянными планками кабин, в одну из которых мы сразу направились. В отдельном помещении на другом конце находилась бильярдная, откуда, из-за полуприкрытой двери, раздавались иногда гулкие удары шаров и повышенного тона возгласы. В остальном – было спокойно и чинно.

Нам тут же поставили средних размеров бокалы, и отхлебнув, я убедился, что пиво действительно хорошего качества.

– Могу порекомендовать превосходные копченые анчоусы, – предложил официант, – старый Роббинс умудрился наловить их более пятидесяти фунтов. Очень свежего приготовления.

– Ну, дайте, – согласился доктор, – отведаем ваших анчоусов, капитан.

Через минуту рыба была на столе.

Я совершенно не думал, что это так вкусно и мало похоже на то, что под тем же названием продается в столичных рыбных магазинах.

– Они их оригинально готовят, – объяснил доктор, – коптят как-то особенно на мелкой яблонево́й стружке и добиваются такого результата, что от этой закуски еще больше хочется пива. Хитрые ребята.

И правда, я еще не успел доестъ небольшую рыбку, а бокал мой был уже пуст.

– Так вот, о чем я собирался потолковать с вами, мистер Дастингс, – произнес Бакли после того, как мы уже допивали вторые бокалы.

Он ненадолго задумался, явно подбирая для нужного начала слова.

– Аристократы – непростой народ, капитан, не так ли? По моим наблюдениям, они очень внимательно относятся к самим себе. С ощущением того, что они не как-нибудь, а в принципе отличаются от простых людей. Есть, разумеется, исключения, вроде того же Джеральда, но и здесь еще надо разбираться. Конечно, я не хочу задеть консервативных чувств истинного англичанина, воспитанного на представлениях, что аристократия, королевский двор, являются важным элементом национального быта. Более того, я и не ставлю это под сомнение. Но вот для нас, американцев, подобные вещи просто не имеют никакого значения. И тем не менее, мы принесли и принесем еще миру немало пользы. Ведь лучше всего, когда люди не слишком замыкаются на себе.

Я согласно кивнул, пока не понимая – к чему он клонит.

Мы закурили. Я трубку, а доктор – тонкую ароматную сигарку.

– Здесь слишком небольшое общество, мистер Дастингс. И вы, естественно, в него быстро вошли, а как шахматный игрок будете к тому же часто общаться с сэром Джоном. В этом все и дело. – Он глубоко и с удовольствием затянулся. – У вас в Англии многие бы решили, что я не должен касаться чужой, да еще связанной с трагедиями жизни. Но я считаю – наоборот: и как американец, предпочитающий открытую игру, и как врач, лечащий сэра Джона. Его сердце на волоске, и одно неосторожно сказанное слово или неудачно заданный вопрос... – он неопределенно провел рукой в воздухе и конец его сигары оставил за собой красивую темно-голубую дугу.

– Он так плох?

– У-гу. Бывает, впрочем, что и несколько лет живут с таким сердцем.

Доктор немного помолчал. Потом заговорил снова:

– Сэру Джону всего пятьдесят семь лет. А выглядит он, сами видели, под семьдесят. И всему виной история с его старшим братом, приключившаяся двадцать два года назад. Не буду передавать ее вам во всех известных мне подробностях – это было бы и не к чему, и не очень тактично. Но расскажу то главное, что может при неудачных вопросах с вашей стороны привести... ну, сами понимаете к каким результатам.

Официант спросил, не нужно ли нам по новому бокалу пива, и мы, согласно взглянув друг на друга, заказали еще. Это было кстати – я как раз докуривал трубку, а мистер Бакли свою сигару.

– Да, так вот, двадцать два года назад, – начал он, – Майкл Холборн – старший брат сэра Джона – убил их отца. Старого лорда Чарльза. Здесь, в замке. – Он сделал небольшую паузу: – Это, так сказать, в общем. А если чуть более подробно, они много лет не выносили друг друга. И вот в один прекрасный вечер, – он, досадуя, поморщился из-за невольно выскользнувшего совершенно неподходящего слова и поправился: – так вот, в один летний вечер, Майкл удавил своего отца веревкой или шнурком. Набросил его сзади. Дело происходило в той самой библиотеке, где вы с сэром Джоном играли сегодня в шахматы.

Я отставил уже поднесенный ко рту бокал. Заметив произведенное на меня рассказом впечатление, доктор слегка покачал головой и несколько поучительно произнес:

– Такие вот истории творятся порой в древних как сама Англия замках. Вы все-таки пиво пейте, пиво-то хорошее.

Я машинально отхлебнул:

– Странно, ведь это должно было стать громким судебным процессом, а я ничего подобного не запомнил.

– И не удивительно. Майкл Холборн пропал. Исчез через несколько дней и не был найден. Суд, тем не менее, конечно, в конце концов состоялся и признал его виновным заочно. Но что такое заочно, по первой судебной инстанции, при полной незаинтересованности семьи в общественной огласке дела...

– Простите мое любопытство, действительно неприлично залезать в чужие дела, но случай столь необыкновенен... каковы же у этого страшного события причины?

– Очень трудно сказать, – задумчиво произнес мистер Бакли, – мы сами-то здесь всего два года. Разумеется, общаясь с пациентами, за это время я успел услышать все, что известно местной публике. Но известно, в сущности, очень мало. – Он вынул еще одну сигару, надо полагать, усвоив эту южноамериканскую привычку – часто курить. – Старый Чарльз Холборн состоял видным членом парламента, был, по разным отзывам, личностью несколько спесивой, властной, но антипатии у большинства людей не вызывал. Уже знакомый вам младший сын, Джон, политикой не занимался, жил главным образом в замке. По профессии он что-то вроде литературоведа, кажется, специалист по ренессансу. Пописывал, говорят, в научных журналах толковые статьи. По темпераменту всегда был инфантильным кабинетным человеком. И жену ему, как я слышал, подобрал в свое время отец. Кого-то из дальних родственниц.

Доктор сделал затяжку, выпустил два аккуратных кольца дыма и пронзил их длинной струей. Я невольно усмехнулся.

– Простите, – тут же извинился он, – когда долго живешь среди этих латиносов, трудно потом бывает избавиться от мелких дурных манер. Так вот, – он заговорил более энергично, – в отличие от младшего брата Джона, старший брат Майкл был сгустком энергии. Говорят, что некоторые люди его даже инстинктивно побаивались, хотя он был обычного роста, приятной наружности и, безусловно, хорошо воспитан. Но сколько я могу с чужих слов судить, он принадлежал к людям редкой психологической формации, – доктор сощурил глаза, – совсем небезобидной. Вы сами по жизненному опыту вероятно знаете, что существуют одержимые личности со своей совершенно особенной системой ценностей. Иногда это приобретает такие формы, что мои коллеги с полным основанием помещают их в психлечебницы. Иногда зря туда помещают, – он затушил сигару, – сложный вопрос. Встречаются, например, типы, одержимые музыкой настолько, что, запретив этим заниматься, их можно попросту убить. То же самое с другими искусствами. А сколько история знает полководцев или фанатов-мореплавателей, которые, употребив ту же энергию в обычном гражданском деле, могли скорее достичь спокойствия и материального благополучия. Но им всем не этого надо. Они могут жить только

в определенной среде. Вот такие социальные типы чувствуют себя хорошо лишь постольку, поскольку им не мешают добиваться своего. Если не так, они способны на любые крайности. Очень похоже, что к этой как раз категории относился и Майкл Холборн. Только в политике. И политические разногласия с отцом со временем переросли в лютую ненависть. Вы скажете, что это ненормально? А я и не буду спорить.

Он задумался и чуть замедлил речь.

– Во всяком случае, старый Холборн и его старший сын, как считают все, в том числе и их близкие, в последние год-два до трагедии уже не могли переносить друг друга. И вот, в конце концов, произошла такая развязка.

В пабе прибавилось публики. Появился и Роббинс. Он заметил нас с доктором и поприветствовал, но издали, деликатно, не пытаясь вступать с разговорами.

– Чтобы довести до важного конца мою информацию, капитан, должен кое-что добавить. Года полтора назад из тех же южноамериканских краев прибыл сюда знакомый уже вам Стив Харди: не кто иной, как родной племянник сэра Джона, а еще проще – сын Майкла Холборна.

Слишком сильное удивление требует для себя времени, поэтому доктор терпеливо выдержал паузу прежде, чем продолжать.

– Занятная деталь, не так ли? Приехал, что называется, запросто – повидать дядю и родовое поместье. Отец за полгода до этого, как он сообщил, скончался, и всегда внушал сыну, что невиновен в убийстве старого Холборна. Прислал брату письмо. Прощальное, и опять же с уверенением в полной своей непричастности к страшной истории. Насколько я знаю, факты слишком убедительно свидетельствовали об обратном. Но и сэр Джон, и Мэтью, и Джеральд, естественно, решили, что мальчик-то во всяком случае не причем, и приняли его как полноправного члена семьи. Так что, видите, не все здесь просто.

– А кем, я имею в виду семейную линию, является Мэтью Уиттон? Джеральд называет его дядей, сэр Джон называл его «брат», и тот его так же?

– И здесь есть маленькая тонкость, но уже безобидного, так сказать, свойства. Очень скоро после рождения младшего сына Холборна – Джона – его мать умерла. А еще через пару лет Чарльз Холборн завел, внебрачную связь с женщиной из Саутпорта, которая имела больного и старого мужа вот с этой самой фамилией – Уиттон. Родился мальчик. Чарльз Холборн вполне добросовестно заботился о нем, дал образование. Никогда не отрицал, что это его сын, хотя юридически и не оформлял такого факта. Мэтью, по-моему, славный малый, трудяга, добровольно тянет на себе хозяйство по замку. Очень хорошо отнесся к Стиву, кстати сказать.

* * *

На следующее утро я с удовольствием прогулялся в Саутпорт.

Этому весьма способствовали хорошая дорога и окрестный пейзаж. С одной стороны – душистый от выпаренных трав степной простор и море за ним со своей бесконечной далью, с другой – лесной массив: сначала из редких дубов и кустарника, потом – сгущающийся и высокий. Где, как сказал Джеральд Холборн, было так много всякого в далеком прошлом. Я подумал о страшных арбалетных стрелах из зеленых засад, пробивающих панцири и кольчуги, черных кованых копьях, тяжелых мечях с крестообразными рукоятями... наверное, были здесь и заброшенные на ветки веревки с петлей на конце для тех, кто достался в плен победителю.

Теперь – тихо, безлюдно и мирно.

Пару раз всадники из местной отдыхающей публики легкою рысью проскакали мимо, да два грузовичка с сельским товаром проехали по дороге в город. Было по-детски радостно от окружающей природы и мыслей о полном покое, предстоящих морских купаниях, рыбной ловле, милых людях в соседнем замке.

«Места чудесные, – написал я на телеграфном бланке в Лондон. – С нетерпением жду».

Потом я немного послонялся по городу, который действительно не только разросся за эти последние шесть лет, но и заметно изменил старый облик: из тихого и провинциального превратился в деловой, спешащий и, я вспомнил слова Мэтью Уиттона, очень мало подходящий для курортного времяпрепровождения.

В городе не было недостатка в такси, но мне захотелось вернуться назад пешком – уж больно приятно было еще раз окунуться в этот простор и аромат. К тому же, дорога занимала неспешным шагом всего минут сорок пять.

Вечером я решил отправиться в замок попозже. Не очень ловко было являться к чаепитию не получив на то прямое приглашение. Такое приглашение, я, конечно, понимал, имелось в виду само собой, но правила хорошего тона и еще не очень короткое знакомство с моими соседями все-таки требовали некоторой тщательности в поступках. Я отправился на час позже, и не доходя сотни ярдов до замка, столкнулся с Каспером.

– Вот тебе на, мистер Дастингс! А меня послали за вами, узнать – все ли в порядке, вас ждали к чаю, даже не садились некоторое время.

Я, как мог, объяснил этические соображения своей задержки.

– Ми-истер Дастингс, – улыбаясь своими умными глазами с симпатичными морщинками вокруг них, укоризненно протянул слуга, – лорды в своих провинциальных замках проживают почти что по деревенским правилам. А сэр Джон в особенности не любит всякие церемонии. И пожалуйста, придумайте какую-нибудь другую причину, по которой вы не появились к чаю. Он может очень огорчиться, оттого что вам не сделали подходящего правилам приглашения, что вас этим обидели, а ему очень вредно любое волнение.

– Да, доктор говорил мне вчера об этом.

Каспер понимающе кивнул:

– Доктор Бакли – большой мастер своего дела. Работает с утра до ночи, и без большого разбора между бедными и богатыми, хотя человек – состоятельный. Из Аргентины сюда приехал уже с приличными деньгами, купил сразу хороший коттедж, вы видели, наверно?

Мы направились к замку.

– А вы сами из этих мест? – спросил я.

– Да, из этих, точнее – из Саутпорта.

– И давно работаете у Холборнов?

– Давно, еще за год до смерти старого лорда Чарльза. – Он слегка покосился на меня, но я сохранил на лице индифферентное выражение. – До этого место дворецкого занимал мой дядя, а после его смерти должность, как бы наследственно, передалась мне.

Когда мы приблизились к крыльцу, Каспер предупреждающе ускорил шаги, чтобы распахнуть передо мной входную дверь, а я почему-то подумал о том далеком прошлом, когда этот сильный и по-своему обаятельный человек, лет двадцати пяти от роду, пошел вдруг в дворецкие. Станный выбор – ведь раньше он жил и работал в портовом городе, а недалеко был большой Ливерпуль. Почему же в деревню? На работу, которой занимаются обычно немолодые семейные люди, и жена дворецкого может выполнять роль горничной или кухарки.

– А кто еще у вас делает работу по дому? – спросил я, когда он уже приготовился открыть дверь.

– В первой половине дня работает приходящая из деревни кухарка, пару раз в неделю две местные девушки производят общую уборку, а остальное делаю я. – Он улыбнулся и показал на клумбу: – Но уход за цветами мистер Уиттон добровольно взвалил на себя.

Я с удовольствием посмотрел на уже знакомый круг алых роз, окаймляющих центр из белых.

В расположении розового цветка, его повороте или склоненности, всегда есть что-то благородное и немного завораживающее. Все алые розы слегка клонили свои очаровательные на

грациозных шейках головки. Белые – держали их гордо и абсолютно прямо. Они проиграли своим соперницам тогда, пятьсот лет назад, и казалось, теперь не хотели их знать.

– Прекрасные цветы, мистер Дастингс, на них нельзя налюбоваться. Прошу вас, сэр Джон в библиотеке.

Я, конечно, отговорился по поводу опоздания к чаю какими-то словами об устройстве на новом месте, походом в город и тому подобным.

Поговорили немного о прекрасной библиотеке, почти целиком прочитанной сэром Джоном, который не без доли гордости сообщил мне, что в свое время даже получил предложение занять профессорское место в одном из английских университетов. Потом речь перешла на замок, и я отметил, как разительно отличается его передняя часть от той, что выходит к морю.

– Да, по сути дела – это два разных здания. Второе, где мы сейчас находимся, пристроено к первому, очень древнему. Конечно, они соединены между собою и представляют общий комплекс, хотя, – сэр Джон неопределенно поводит рукой в воздухе, – в старую часть никто не ходит. Там даже есть заколоченные дубовые двери XIII–XIV веков, но никому не известно – кто и когда их в последний раз открывал. Я как-нибудь покажу их вам, однако, знаете, как человек, связанный всю жизнь с историей, я постепенно уверился в том, что прошлого нельзя касаться без особой необходимости. Оно как бы не умирает и может зло огрызнуться, а может помочь... – он произнес последние слова с той неопределенной интонацией, когда говорят о вещах, полный смысл которых не может быть дан до конца человеку.

Белыми на этот раз играл хозяин, и поначалу мне казалось, что он не настроен на серьезную борьбу. Предложен был известный вариант защиты Нимцовича, который обычно предполагает спокойную игру и заведомо дает большие ничейные шансы черным. Все так некоторое время и шло. Потом мой противник сделал несколько, на мой взгляд, безобидных перемещений, а еще через пару ходов я почувствовал тот хорошо известный всем шахматистам неуют, когда прямых угроз еще нет, но возникает некоторый вакуум собственных действий и ощущение, что с той стороны работают по слишком четкому плану.

После тридцатого хода противник сумел сгруппировать большие силы на моем королевском фланге и кроме этого стало ясно, что мне придется отдать в центре пешку без всяких за то тактических компенсаций. Напрягая все умственные и волевые силы, я сделал еще четыре хода и несколько демонстративно откинулся на спинку кресла. Сэр Джон, нагнувшись над доской, взглянул на меня довольным, хоть и едва заметным взглядом.

– Позиция проиграна, – мрачно промямлил я.

– Ну, почему же, – пытаюсь соблюсти утешающую вежливость, возразил хозяин. – Можно еще попробовать обороняться.

– Оставьте, пожалуйста! – не очень вежливо возразил я. – Что проиграно, то проиграно! Давайте, лучше, если время позволяет, сыграем еще одну партию.

– С удовольствием.

На этот раз я выбрал открытый вариант королевской пешкой с последующими разменами легких фигур, дабы перейти потом к трудному, но любимому мной ладейному окончанию.

Однако и здесь моим замыслам не суждено было сбыться. Сначала все, как и в первый раз, шло по понятному плану, но в середине игры какими-то ухищрениями противника позиция отклонилось от мной намеченной. Что-то снова стало вязнуть и не получаться, хотя никаких заметных ошибок я не делал. А кончилось, хоть и после более продолжительной борьбы, но тем же самым плачевным для меня результатом.

К сожалению, мне не всегда удастся скрывать пустяковую досаду.

– Я отстал в дебютной подготовке, и вы меня на этом ловите.

– С большим трудом, должен признаться, – попробовал меня успокоить хозяин.

– Ладно, не утешайте. В ближайшее время я поработаю над дебютом. Еще, как говорится, не вечер.

Вечер, тем не менее, уже наступал, и сэр Джон вышел проводить меня на крыльцо. Я уже пожимал ему на прощание руку, когда из дома весело высыпала молодежь.

– Мы отправляемся на морскую прогулку, папа, – обратился Джеральд к отцу, – покататься у берега. Может быть, все-таки присоединишься к нам, доктор утверждает, что для тебя это очень полезно.

– Нет-нет, оставьте меня, пожалуйста, в покое, – быстро ответил тот, и я отметил тень недовольства, пробежавшую по его лицу.

* * *

Я никогда не обольщался на предмет серьезных у себя шахматных дарований и не занимался этим профессионально, но, как любитель, очень был к этой игре привержен.

Вы не замечали, что любители шахмат и тенниса бывают не менее честолюбивы, чем профессионалы? К сожалению, за мной это тоже водится.

Я решил завтра же дать телеграмму Пэро с подтверждением всех местных прелестей и просьбой захватить с собой два известных шахматных учебника по дебютным системам и типовым игровым ситуациям, указав магазин, где можно их приобрести. Утром, встав не очень рано, я совершил, как и прежде, прогулку в город, послал ту самую вторую телеграмму и, не торопясь, возвратился домой.

Старик Роббинс орудовал во дворе с большой выдавшей виды сетью.

– А, мистер Дастингс! Готовлюсь, вот, к завтрашнему лову. По всем признакам анчоус пойдет уже по-настоящему. Может подвернуться и косяк крупной сельди.

– Тогда не возьмете ли и меня с собой?

Роббинс замялся:

– Та ловля, знаете ли, была небольшой прогулкой, забавой. А завтра может выдаться тяжелая работа, мистер Дастингс. Там уж нельзя плошать. Если повезет – придется гнуть спину всюю.

– Ну, этим меня не испугаешь. К тому же, физический труд после городской жизни мне только полезен.

– Нет, – Роббинс резко замотал головой, – у нас так не принято. Если будет настоящая работа, я отдам вам двадцать процентов выручки. Здесь так принято – уж не менее двадцати процентов. Мне это выгодно, поверьте.

– Ну-ну, извольте, – со смехом согласился я.

– Только вставать на этот раз придется очень рано. С восходом солнца нам надо уже быть на воде.

– Договорились, – охотно согласился я.

Смешно сказать, но это был повод не появляться в замке и, значит, не ставить себя под угрозу нового шахматного разгрома, от которого я еще не успел морально восстановиться.

Тут же я написал по этому поводу извинительную записку и отправил ее с соседским мальчишкой в замок.

* * *

Старый рыбак не ошибся – сельдь пошла.

Лодок в утреннем море было много – десятка два, по крайней мере. Как и бывает всегда у рыбаков, каждый принаравливался к своему месту: одни – поближе к береговой полосе, куда

иногда резко прижимались косяки анчоусов. Другие, стремясь набрать побольше крупной, хоть и менее деликатесной сельди, уходили дальше в море.

Сначала дело у нас шло не слишком здорово, однако вскоре мы нарвались подряд на несколько косяков, и работа закипела так, что я пару раз искренно ругнул себя за самонадеянность, толкнувшую меня на столь тяжелое предприятие.

«Пэро бы сюда, – потеряв в один из моментов равновесие и ударившись коленом об острый край деревянного ящика, подумал я, – сидит там в кресле у одного из лучших дантистов Лондона и разыгрывает страдальца».

Мы час не покладая рук трудились. Потом вернулись на берег, оттащили улов во двор Роббинсов, где засолкой рыбы сразу занялась миссис Роббинс и еще какая-то пришедшая помогать ей женщина, и, не передохнув пяти минут, отправились назад.

Теперь уже косяки были помельче и шли при дневном свете осторожней, но все равно рыбы хватало. Мы провели на воде еще часа два и, набившись доверху и закончив ловлю, решили немного отдохнуть на прохладном морском ветерке.

Некоторые лодки уже плыли к берегу. Ярдах в трехстах от нас трудился с сетями Мэтью.

– Не мистер ли это Уиттон? – присматриваясь, спросил Роббинс. – Ну да, он самый, – ответил он на свой же вопрос.

Потом раскурил трубку и поощрительно кивнул в ту сторону:

– Умеет работать, хоть и из благородных. И сильный, чертяка! Тут наши ребята перед рождеством устроили в пабе армрестлинг. Так он пятерых положил без передышки.

Мы были недалеко от берега, точнее, от обрывистой скалы, на краю которой возвышалась старая стена замка. Солнце стояло уже высоко, и я попросил разрешения у Роббинса искупаться с лодки.

– Валяйте, – согласился старый рыбак, – я, как раз, докурю свою трубку.

Хотя мои уши не позволяют мне нырять глубоко, я с детства люблю это занятие. Поэтому, оказавшись в воде, я набрал побольше воздуха, чтобы уйти в прозрачную синюю глубину.

– Эй, поосторожней! – Роббинс предупреждающе поднял руку. – Тут от стены, резкие течения.

Стоило мне опуститься ярдов на три, как вдруг и впрямь почувствовались сильные завихряющиеся потоки воды.

– А откуда эти течения? – спросил я, взобравшись в баркас и вытаскивая из сумки полотенце. – Вода там и сильная, и холодная.

– Бог его знает. – Роббинс, слегка сощурившись, невесело взглянул на замок. – Всякое говорят... что старая часть замка уходит глубоко в скалу и там есть свои искусственные пещеры, где топили пленников или мучили их всякими водяными пытками. Я стараюсь не интересоваться этим. Не стоит без большой нужды трогать прошлое.

Меня поразило сходство его слов с тем, что недавно сказал сэр Джон.

Когда мы перетащили вторую партию пойманной рыбы во двор, усталость заметно дала о себе знать.

– Без вашей помощи я бы с таким уловом не справился, мистер Дастингс! – пожимая мне руку, проговорил рыбак. – Пожалуй, я вам должен поболее двадцати процентов...

– Да перестаньте вы, пожалуйста! – бурно запротестовал я, чувствуя большое желание отправиться поскорее к себе в комнату, раздеться и лечь. На полчаса, хотя бы.

Я так вскоре и поступил, и минут, наверное, уже через пять заснул. Крепчайшим, почти наркотическим сном, и, как выяснилось, спал больше четырех часов.

Роббинс уже отвез рыбу в город, и привычный к таким нагрузкам, вернувшись, отправился в паб.

Голова у меня от необычного времени сна была тяжеловатой. Следовало прогуляться по свежему воздуху.

Я так и сделал, направившись без всякой определенной цели к шоссе, и хотел было затем повернуть назад, как увидел Мэтью Уиттона верхом на велосипеде, с пустой корзинкой сзади на багажнике. Подкатив ко мне, он слез и мы поздоровались.

– Вот, – указывая на корзинку, весело заговорил он, – направляюсь к вам в поселок. Приходится самому и за продуктами ездить. Каспер с кухаркой занимаются засолом рыбы, что я сегодня наловил, а молодые наши аристократы по деревенским магазинам ходить не изволят.

Так как Уиттон не очень спешил, а прогулка исчерпывала все мои планы, мы отправились туда вместе неторопливым шагом.

Разговор некоторое время вертелся вокруг сегодняшней рыбной ловли. Потом мой попутчик снова посетовал на молодежь, которая не желает заниматься этим здоровым для человека делом, несмотря на то, что и Джеральд, и Стив, хотя и в разных частях света, провели свое детство у моря. Это позволило мне спросить:

– А почему у Стива фамилия Харди? Он ведь урожденный Холборн.

– Да, – Мэтью утвердительно кивнул и, помолчав, добавил: – Вам, конечно, известна мрачная история нашего замка? Не надо отвечать – ее здесь всем рассказывают. Так вот, как вы понимаете, Майкл после побега не мог жить в Аргентине под своей фамилией. Он ведь был осужден и находился в розыске. А Харди... Стив объяснил, что отец взял такую фамилию по смыслу жизни, так сказать. Харди – «тяжелый», «тяжкий», как и его судьба. – Уиттон болезненно поморщился, и это несвойственное его лицу выражение не захотело сразу уйти. – Стив говорит, что ему самому нравится эта фамилия, и он предпочел бы ее не менять. Рассказывал мне, как прошло его детство. Часто приходилось стоять весь день с лотком сигарет на пыльном городском перекрестке, чтобы заработать на еду. Под палящим солнцем. И любой зевака мог оскорбить, а местные подростки отнять выручку в конце дня, да и ножом полоснуть, при случае.

Мне сделалось неловко за свой беспардонный вопрос, и я уже открыл рот, чтобы извиниться, но Мэтью понял это и успокаивающе махнул рукой:

– Все уже в прошлом. Значит, будете сегодня отдыхать от морских трудов? – тут же спросил он. – К нам не загляните? Ладно уж, но завтра вас ждем обязательно.

Я клятвенно обещал.

Неожиданно сзади раздался клаксон автомобиля. В остановившейся машине с открытым откидным верхом – дорогой, из последних моделей – сидел доктор Бакли.

– Только что завез Бету в замок, – поприветствовав нас, сообщил он, – вы уж проследите, пожалуйста, Мэтью, чтобы вечером не позже девяти ее проводили домой. Возможно, Стив окажет эту услугу.

Он приподнял на прощание шляпу и бесшумно покатил дальше.

– Странно, – Уиттон достал платок и вытер шею – было жарковато, хоть мы и стояли в тени большого дерева у дороги. – Почему он недолюбливает Джеральда? – Вопрос, как показалось, он больше адресовал к самому себе. – Не знаю, какая девушка Англии отказалась бы от такой партии.

– И вообще не очень понятный человек, – задумчиво и после небольшой паузы добавил он. – Обеспеченный, и даже весьма. Посудите сами – купил сразу новый с отличной обстановкой коттедж. Машину вы только что видели. Кабинет у него в Саутпорте великолепно оборудован. А вкальвает с утра до ночи. Здешнюю публику лечит за небольшую плату.

Он опять вытер шею платком и тут же, забыв о случайно набравших мыслях, начал улыбчиво прощаться.

Хотя я не из слабых людей, но его неумышленно крепкое рукопожатие произвело на меня впечатление.

* * *

Дневной сон не погасил до конца всей усталости от непривычной утренней работы, и я лег спать непривычно рано – в начале вечера, что заставило меня и очень рано встать на следующее утро.

Утро, собственно говоря, еще не наступало. За окном было темно, но, впрочем, судя по стрелкам часов, до восхода солнца оставалось не так уж много времени.

Тело после вчерашних трудов побаливало, но самочувствие было бодрим.

Я быстро собрал в матерчатую сумку нужные купальные принадлежности и почувствовал себя почти счастливым, оттого что сегодня не буду путаться в сетях и лихорадочно рассовывать по ящикам рыбу. А вечером отправлюсь в замок, поболтаю с его милыми обитателями, сыграю с сэром Джоном партию в шахматы, пусть и с плохим для себя исходом. Ничего, в ближайшие дни Пэро привезет мне книги по теории. Посмотрим потом: кто – кого!

Я тихо спустился по лестнице и вышел из не запертых, как водится в подобных деревушках, дверей дома.

Летом на морских побережьях творятся диковинные вещи. Еще до восхода солнца, превращая ночь в день, неизвестно откуда появляется свет и лишь потом, минут через двадцать, из-за горизонта показывается краешек солнца. Свет – молочного оттенка, но это не туман. Воздух прозрачен и абсолютно тих. Мир вокруг похож на первозданный, бывший до человеческого сотворения.

Именно в такие дивные минуты я оказался у кромки воды на песчаном, вперемежку с мелкой галькой берегу, почти рядом с мощной крепостной стеной замка. Спящим, как и все вокруг.

Спали чайки. Спало само море. Неподвижное и огромное. Волны еле заметно касались берега. Было так рано, что никто из рыбаков еще не вышел к лодкам.

Вода показалась мне совсем теплой, и я тихо поплыл, с наслаждением вдыхая воздух и выпуская его затем пузырями в воду.

Мне вскоре надоело это безмятежное спокойствие и на память внезапно пришли странные подводные течения у крепостной стены. Неизвестное манит, и мне вдруг захотелось еще раз проверить те непонятные исходящие от стены замка потоки.

Доплыв до отвесного гранита, я набрал побольше воздуха и ушел вглубь.

Опять, где-то начиная с трех-четырёх ярдов, я почувствовал сильные увлекающие вдоль стены холодные струи, а опустившись еще, резко ощутил, как они, холодея, усиливаются и тянут уже не вдоль крепостной стены, а вниз и в сторону открытого моря. Дальнейшие испытания показали мне излишне рискованными, тем более что и кислородного запаса в легких оставалось совсем немного.

Щадя ушные перепонки, я медленно, касаясь шершавой скалы руками, поднялся на поверхность и расслабился на несколько секунд, держась снизу за небольшой гранитный выступ.

Что-то с неприятным тяжелым звуком вдруг проскрипело наверху, ярдах в шести над головой, там, где кончалась природная скала и начиналась крепостная стена замка.

– Почти совсем светло, – сказал мужской голос, хрипловатый и резкий – ручаюсь, что никогда не слышал его раньше.

– Идите до самого Саутпорта обязательно только вдоль берега, так никто не увидит, – ответил другой, совсем тихий и сдавленный, как будто говоривший очень боялся быть услышанным.

– Знаю, – ответил первый с той же резкой хрипотцой. – А крупное дело затевается, не так ли, очень крупное? Только смотрите, чтоб не вышло как в прошлый раз.

По-видимому, второму не понравилось сказанное.

– Идите быстрее и осторожней, – проговорил он после некоторой паузы тем же сдавленным еле слышным голосом.

– Ладно, – уходящий издал звуки, похожие на иронический смешок, – значит, до послезавтра.

Спустя несколько секунд снова раздался тот же неприятный тяжелый скрип, а еще через минуту растаял звук удаляющихся шагов. И почти тут же я почувствовал, что изрядно замерз от неподвижного, прикованного к холодным камням состояния. Но с полминуты еще я решил подождать и лишь потом тихо поплыл к берегу.

Странный незнакомец направился в другую сторону – к городу – и не мог наткнуться на мою одежду. А с этой стороны, чуть поодаль, уже подходили к своим баркасам первые рыбаки. Я вылез на берег, сильно растерся полотенцем и в задумчивости отправился домой.

По мере неторопливого приближения к дому, мои чувства менялись, смещаясь от простого недоумения к озабоченным и даже взволнованным раздумьям.

Что это за таинственная встреча, свидетелем которой я стал? Таинственная не только своим странным разговором, но и потайной дверью в крепостной стене? Какое именно дело затевается послезавтра, «слишком серьезное», как выразился этот человек с неприятным голосом – хриплым и грубым. И еще что-то жестокое и злорадное было в нем.

Какие действия мне в этой ситуации предпринять?

Конечно, рассказать все сэру Джону! Как раз сегодня вечером, когда мы уединимся за шахматами.

А его большое сердце?.. Ведь доктор говорил мне, что любая мелочь способна мгновенно привести к трагическому исходу.

«Тогда логичнее всего, – приближаясь к дому, подумал я, – посоветоваться с Мэтью Уиттоном».

Мальчик на велосипеде с большой кожаной сумкой подкатил к калитке в одно время со мной.

– Почта, мистер. Не подскажите, как мне найти капитана Дастингса? Ему телеграмма из Лондона.

Я молча достал из кармана мелочь и протянул мальчугану.

– Спасибо, господин капитан, – поняв, что нашел адресата, ответил он, и покатил дальше по переулку.

«Выезжаю завтрашним утренним через Ливерпуль, с пересадкой на Саутпорт. Пэро».

«Утренним»... то есть уже завтра днем мой знаменитый друг будет здесь.

Не камень, а целая гора свалилась с моих плеч! Какое счастье, что он приезжает завтра, и до этой странной истории остаются, по крайней мере, сутки. Не надо никого будоражить и ломать голову – что именно сейчас делать. Он-то уж, слава богу, разберется.

Совсем успокоившись, я переоделся и направился прогуляться к центральной площади, где в магазине имелся железнодорожный справочник.

«Ранний на Ливерпуль» – так значилось в телеграмме.

По справочнику оказалось, что это экспресс с отправлением в 7.00 из Лондона. Экспресс почти без остановок. В Ливерпуле – в 12.10. Далее, тридцатиминутный перерыв до местного поезда на Саутпорт, и еще сорок минут в пути с прибытием сюда в 13.20.

Чудесно!

Теперь следовало решить – как лучше его встретить.

Проще всего, взять такси от вокзала.

Но в свете всех утренних событий, не лучше ли подстраховаться и попросить помочь Мэтью Уиттона, а заодно сразу ввести моего друга в круг местной публики и постараться предупредить какое-то, возможно, неблагоприятное или даже злое намерение?

Я быстро написал и отправил с соседским мальчиком в замок записку:

«Дорогой господин Уиттон! Как я уже имел удовольствие сообщить вам, сюда прибывает мой друг. Завтра в 13.20. Это, кстати сказать, довольно известная личность – детектив Пэро. Не могли бы Вы одолжить автомобиль для его встречи? Необходимые водительские документы у меня имеются. С уважением, капитан Дастингс».

Через час я получил ответ и, честно говоря, именно такой, которого мне хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.